

М. В. Турчинская

**СПЕЦИФИКА СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В ПОДСИСТЕМЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ
ПО СОЦИАЛЬНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ
В АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу лексико-семантической группы наименований лиц по социальному положению в современном английском и белорусском языках. Широкий спектр выявленных семантических связей в относительно немногочисленной группе исследуемых наименований свидетельствует о влиянии сложных общественных процессов на формирование данной подсистемы номинаций, устройство которой является такой же сложной и нелинейной, как и система социальных отношений в изученных языковых сообществах.

Изучение семантических отношений и принципов организации словарного состава языка традиционно привлекает интерес широкого круга исследователей [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7 и др.]. Обращение к этой проблематике в сопоставительно-типологическом аспекте представляет особый исследовательский интерес в силу того, что позволяет выявить не только особенности репрезентации различных семантических категорий в лексических системах разных языков, но и способствует определению общих закономерностей их формирования и организации.

В данной работе мы обратились к сопоставительному анализу лексико-семантической группы «Наименования лиц по социальному положению» в английском и белорусском языках с целью выявления специфики состава этой группы лексических единиц и установления присущих им семантических связей. Наше исследование направлено на изучение вопросов системности не столько межкатегориальной, которая определяет формирование различных категорий в рамках лексической системы конкретного языка, сколько проблем внутрикатегориальной организации словарного состава и внутреннего упорядочения отдельной категории в двух типологически разных языках.

Объектом проводимого исследования являются собственно наименования лиц по социальному статусу, т.е. наименования представителей сословий и групп в социальной иерархии исследуемых языковых сообществ. Номинации лиц по семейному положению, профессии и роду деятельности, интеллектуальным и иным характеристикам остались за рамками данного анализа.

В качестве источников отбора материала нами были избраны толковые словари Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы [ТСБЛМ] и Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary [CCED], которые сопоставимы по количеству содержащихся лексических единиц и включают основную, общеупотребительную лексику сопоставляемых языков.

Выделение реестра наименований лиц, семантике которых присущ признак социального статуса, проводилось с помощью компонентного анализа в его дефиниционной версии [8; 9, с. 40–43; 10, с. 50; 11, с. 109; 12, с. 110] и основано на выявлении в словарной дефиниции компонентов, указывающих на социальный статус денотата. Как правило, лексикографические дефиниции изучаемых номинаций характеризуются наличием таких компонентов, как *title, rank, social status* в английском языке (например, *aristocrat – someone whose family has a high social rank, especially someone who has a title* ‘аристократ – кто-то, чья семья имеет высокий социальный ранг, особенно тот, кто имеет титул’; *peasant – a poor person of low social status who works on the land* ‘крестьянин – бедный человек низкого социального статуса, работающий на земле’ и т.д.), и *тытул, саслоўе, званне* в белорусском языке (например, *барон – дваранскі тытул, ніжэйшы за графскі, а таксама асоба, якая мае такі тытул; мяшчанства – у царскай Расіі: саслоўе мяшчан, мяшчанскае званне* и т.д.). Тем не менее в ряде случаев анализируемые номинации-дериваты не имели в словарной дефиниции компонентов, указывающих на социальный статус денотата, упоминались или отсылали к словарной статье другой номинации, от которой они были образованы. Такая специфика свойственна, например, исследуемым наименованиям лиц женского пола (*duchess – a woman who has the same rank as a duke, or who is a duke’s wife or widow* ‘герцогиня – женщина, которая имеет тот же ранг, что и герцог, или которая является женой или вдовой герцога’; *княгіня – жонка князя; цар – тытул манарха ў некаторых краінах, а таксама асоба, якая мае такі тытул, жаночы род: царыца* и др.), а также наименованиям лиц по социальному статусу разного возраста и семейного положения (*prince – a male member of a royal family, especially the son of the king or queen of a country* ‘принц – член королевской семьи, особенно сын короля или королевы страны’; *князеўна – незамужняя дачка князя; паніч – сын пана; малады пан* и др.).

В результате проведенного анализа словарных дефиниций, методом сплошной выборки из указанных выше лексикографических источников было выделено 71 наименование лиц по социальному положению в английском языке и 66 наименований данной группы лексических единиц в белорусском языке.

Полученные данные свидетельствуют о том, что, несмотря на относительно немногочисленность, система наименований лиц по социальному статусу неоднородна и многогранна как в английском, так и в белорусском языках, и характеризуется наличием разнообразных отношений, связывающих единицы внутри данной лексико-семантической группы. Более того, очевидны сходства в организации изучаемой лексико-семантической группы сопоставляемых языков, а также влияние экстралингвистических факторов, репрезентирующих сложность социальных отношений и общественных процессов, свойственных изучаемым языковым сообществам.

Так, в анализируемой группе наименований английского и белорусского языков представлены религиозные и светские номинации лиц по занимаемому социальному статусу. В английском языке наименования духовных званий составляют 14 % от общего числа выделенных лексических единиц (например, *cardinal* ‘кардинал’, *prelate* ‘прелат’ и др.), в белорусском языке наименования лиц духовной иерархии составляют 9 % анализируемой выборки (например, *эксарх*, *уладыка* и др.). Специфика данной подгруппы номинаций заключается в том, что ее единицы объединены ранговыми отношениями¹ и представляют собой особый тип лексико-семантического объединения, известного также как цепочка, в терминологии Ч. Филлмора [13, с. 48–49]. Иными словами, эта особая лексико-семантическая структура, в которой отсутствует ветвление, т.к. на каждом уровне допустим ровно один узел, например: *deacon* – *archdeacon* – *bishop* – *archbishop*, *episkap* – *архіепіскап* – *метрапаліт* – *партыярх*².

Как в английском, так и в белорусском языках наименования лиц по социальному положению в светском обществе формируют абсолютное большинство исследуемых лексических единиц (86 % и 91 % соответственно) и характеризуются более сложной системой семантических связей. Во-первых, номинациям данной подгруппы свойственны отношения противопоставления, которые репрезентируют противоположные социальные роли отдельных групп в исследуемых языковых сообществах, например: *nobleman* ‘дворянин, аристократ’ – *prole* ‘рабочий, пролетарий’, *aristocrat* ‘аристократ’ – *pleb* ‘плеб’, *yeoman* ‘мелкий землевладелец, фермер’ – *burgher* ‘бюргер, горожанин’; *буржуа* – *пролетарый*, *феодал* – *селянін*, *шляхціц* – *мужык* и т.д. Ч. Филлмор именовал семантические структуры, которым присущ данный тип отношений, контрастивным множеством и считал их простейшим типом семантических оппозиций [13, с. 46].

Вторым типом семантической структуры, присущей исследуемой группе номинаций, является гиперо-гипонимия, в основе которой лежат отношения господства/соподчинения. Иначе говоря, имеется гипероним и соподчиненный гипоним, который содержательно опирается на вышестоящий уровень, например: *noble (nobleman)* – *duke, marquess, earl, viscount, baron* ‘дворянин (дворянин) – герцог, маркиз, граф, виконт, барон’; *monarch* – *king, queen, emperor, empress* ‘монарх – король, королева, император, императрица’;

---

¹ Исключение в этой лексико-семантической подгруппе составляют заимствования, которые репрезентируют особенности духовной иерархии, не свойственной данному языковому сообществу, например, *ayatollah* ‘аятолла’ (ислам), *lama* ‘лама’ (буддизм), *каталікос* (Армянская апостольская церковь, Армянская католическая церковь, Грузинская православная церковь) и др.

² В силу того, что используемый для данного исследования лексикографический источник включает только основную общеупотребительную лексику анализируемых языков и не содержит специфические религиозные наименования санов и духовных титулов, необходимо дальнейшее изучение этой подгруппы номинаций в сопоставляемых лингвокультурах.

дваранін – князь, *граф*, *барон*. Набор слов, связанных друг с другом отношением господства (*superordination*), Ч. Филлмор объединил под названием «таксономические структуры» [13, с. 46–47].

Еще одним типом структуры, свойственной изучаемой подсистеме единиц, является лексическая парадигма. В широком смысле в лингвистике парадигму формирует «любой класс лингвистических единиц, противопоставленных друг другу и в то же время объединенных по наличию у них общего признака или вызывающих одинаковые ассоциации, чаще всего – совокупность языковых единиц, связанных парадигматическими отношениями» [14, с. 366]. В основе лексической парадигмы, согласно Ч. Филлмору, как и в иных типах классических парадигм, лежат характеристики сходства / общности и противопоставления, т.е. лексические парадигмы представляют собой семантические противопоставления, члены которых различаются только одним признаком и совпадают по всем остальным [13, с. 47–48]. Классическим примером данной семантической структуры представляются лексические парадигмы, в которых конститuentы различаются по семантическому признаку ‘мужской’ / ‘женский’. Анализ полученных данных указывает на то, что 42 % наименований лиц по социальному положению в английском языке и 60 % изучаемых номинаций лиц в белорусском языке образуют парадигмы по семантическому признаку пола. Например, *baron* – *baroness* ‘барон – баронесса’, *duke* – *duchess* ‘герцог – герцогиня’, *count* – *countess* ‘граф – графиня’, *marquis* – *marchioness* ‘маркиз – маркиза’; *памешчык* – *памешчыца*, *прынц* – *прынцэса*, *селянін* – *сялянка*, *цар* – *царыца* и др. Согласно результатам проведенного ранее исследования диапазон наименований живых существ, образующих лексические парадигмы по признаку пола в английском языке, существенно уже (7 %), чем в белорусском языке (59 % ЛЕ) [15, с. 4]. Определяющую роль в такой количественной разнице играют структурно-типологические особенности сопоставляемых языков. В частности, широкая гамма суффиксальных средств позволяет существенно большему числу белорусских номинаций живых существ образовывать семантические противопоставления по признаку пола, в отличие от ограниченного числа данных оппозиций в современном английском языке [Там же]. Широкий же спектр номинаций лиц, образующих лексические парадигмы по признаку пола в изучаемой подсистеме единиц не только белорусского, но и английского языка, которому не свойственны такого рода противопоставления, свидетельствует о влиянии экстралингвистических факторов на формирование данной группы единиц: значимости обозначения социального положения представителей обоих полов как в английской, так и в белорусской лингвокультурах.

Помимо указанных выше типов семантических отношений, характерных для наименований лиц по социальному положению в сопоставляемых языках, проведенное исследование позволило установить еще один специфический тип семантической структуры в данном лексико-семантическом объединении – семантическую сеть. Ч. Филлмор считал, что в основе этой

структуры лежат таксономические и партономические отношения («состоять в браке с (кем-либо)» и «быть родителем (кого-либо)», а также «старше чем»), которые свойственны терминам родства [13, с. 49]. Как в английском, так и в белорусском языках такой тип семантической структуры присущ, как правило, подгруппе наименований лиц по высокому социальному положению (например: *king* ‘король’ – *queen* ‘королева’ – *prince* ‘принц’ – *princess* ‘принцесса’; *пан* – *пані* (жонка пана) – *паненка* / *панна* (незамужняя дачка пана) – *паніч* (сын пана); князь – *княгіня* (жонка князя) – *княжна* / *князеўна* (незамужняя дачка князя) – *князевіч* (малады сын князя), что также обусловлено экстралингвистическим фактором – важностью обозначения в данном языковом сообществе родственных отношений лиц с высоким социальным статусом.

Последним типом отношений, выявленных в результате проведенного исследования, являются отношения тождественности. В анализируемом материале были установлены как частичные семантические синонимы (например, *aristocrat* / *nobleman* ‘аристократ, дворянин’, *prole* / *pleb* ‘плеб, рабочий’, *шляхціц* / *дваранін* і др.), так и целый ряд синонимов-дублетов – тождественных и взаимозаменяемых лексических единиц, фиксируемых как отдельные слова в лексикографических изданиях. Приведем несколько примеров: *pleb* / *plebeian* ‘плеб, плебей’, *proletarian* / *proletariat* ‘пролетарий’; *буржуа* / *буржуй*, *княжна* / *князеўна*, *паненка* / *панна* и др.

В результате анализа выявленных типов семантических отношений в лексико-семантической группе номинаций лиц по социальному положению стало очевидно, что одна и та же номинация в рамках исследуемого лексико-семантического объединения может являться членом разных семантических структур и характеризоваться целым набором семантических связей с другими конститuentами группы. Наше наблюдение проиллюстрируем следующими примерами: *nobleman* ‘дворянин, аристократ’ – гипероним к словам *duke*, *marquess*, *earl*, *viscount*, *baron* ‘герцог, маркиз, граф, виконт, барон’, противочлен в лексической парадигме по признаку пола к слову *noblewoman* ‘дворянка, аристократка’, семантически контрастивен по отношению к слову *prole* ‘рабочий, пролетарий’ и тождественен слову *aristocrat* ‘аристократ’; *каралева* – гипоним к слову *манарх*, противочлен в лексической парадигме по признаку пола к слову *кароль* и конститuent в семантической сети терминов родства *кароль* – *каралева* – *прынец* – *прынецца*.

Следует, однако, отметить, что выявленные типы отношений, как правило, не свойственны заимствованным единицам, входящим в исследуемую группу номинаций (например, *caliph* ‘халиф’, *sheikh* ‘шейх’, *maharaja* ‘махараджа’; *цэзар*, *султан*, *шахішах* и др.). Исключение составляют лексические парадигмы, характерные для небольшого числа ассимилированных заимствований, образующих противопоставления по признаку пола: *tsar* – *tsarina* ‘царь – царица’, *шах* – *шахіня* и др.

Таким образом, в результате проведенного исследования было выявлено, что группа номинаций лиц по социальному положению в лексических системах английского и белорусского языков характеризуются идентичными

типами семантических отношений. Широкий спектр выявленных семантических связей в относительно немногочисленной группе исследуемых наименований свидетельствует о влиянии сложных общественных процессов на формирование данной подсистемы номинаций, устройство которой является такой же сложной и нелинейной, как и система социальных отношений в изученных языковых сообществах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Никитин, М. В.* О таксономии языковых единиц / М. В. Никитин // Проблемы общей и романо-германской семасиологии / Владим. гос. пед. ин-т. – Владимир, 1973. – С. 3–92.
2. *Гак, В. Г.* К диалектике семантических отношений в языке / В. Г. Гак // Принципы и методы семантических исследований : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; редкол. : В. Н. Ярцева (отв. ред.) [и др.]. – М., 1976. – С. 73–92.
3. *Гинзбург, Е. Л.* Родо-видовые отношения в языке (таксономические операторы) / Е. Л. Гинзбург, Г. Е. Крейдлин // Науч.-техн. информ. Сер. 2, Информ. процессы и системы. – 1982. – № 2. – С. 24–31.
4. *Вердиева, З. Н.* Семантические поля в современном английском языке : учеб. пособие / З. Н. Вердиева. – М. : Высш. шк., 1986. – 120 с.
5. *Geeraets, D.* Cognitive grammar and the history of lexical semantics / D. Geeraets // Topics in cognitive linguistics / ed. V. Rudzka-Ostyn. – Amsterdam, 1988. – P. 647–677.
6. *Croft, W.* Linguistic evidence and mental representation / W. Croft // Cognitive Linguistics. – 1998. – Vol. 9, № 2. – P. 151–173.
7. *Харитончик, З. А.* Логические основания семантических отношений / З. А. Харитончик, А. А. Шавель // Вестн. Мин. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1, Филология. – 1998. – № 3. – С. 3–9.
8. *Гулыга, Е. В.* О компонентном анализе значимых единиц языка / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс // Принципы и методы семантических исследований : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; редкол.: В. Н. Ярцева (отв. ред.) [и др.]. – М., 1976. – С. 291–314.
9. *Уфимцева, А. А.* Лексическое значение : принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева ; отв. ред. Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1986. – 240 с.
10. *Арнольд, И. В.* Основы научных исследований в лингвистике : учеб. пособие / И. В. Арнольд. – М. : Высш. шк., 1991. – 140 с.
11. *Кобозева, И. М.* Лингвистическая семантика : учеб. пособие / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 350 с.
12. *Никитин, М. В.* Курс лингвистической семантики : учеб. пособие / М. В. Никитин. – 2-е изд., доп. и испр. – СПб. : Изд-во Рос. гос. пед. ун-та, 2007. – 819 с.

13. Филлмор, Ч. Дж. Об организации семантической информации в словаре / Ч. Дж. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. – М., 1983. – Вып. 14 : Проблемы и методы лексикографии. – С. 23–60.
14. Кубрякова, Е. С. Парадигма / Е. С. Кубрякова // Лингвистический энциклопедический словарь / Совет. энцикл. ; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Совет. энцикл., 1990. – С. 366–367.
15. Турчинская, М. В. Структурно-семантические и прагматические характеристики лексических парадигм в английском и белорусском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / М. В. Турчинская ; Мин. гос. лингв. ун-т. – Минск, 2017. – 24 с.

Список использованных словарей

- ТСБЛІМ – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : Больш за 65.000 слоў / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – Мінск : БелЭн, 1996. – 783 с.
- CCED – Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary / ed. : J. Sinclair. – 5th ed. – Glasgow : HarperCollins Publishers, 2006. – 1712 p.

The article presents the results of the comparative analysis of the nouns denoting social ranks in modern English and Belarusian. A wide range of the revealed semantic relations in a relatively small group of the words studied indicates extralinguistic influences on the formation of this group of lexical units. The structure of the analyzed system of words is as complex and nonlinear as the system of social relations in the investigated linguistic communities.

Поступила в редакцию 07.10.2020